

РЕВЮ

юбилей

“в Кремле я ему сказал: “когда пришел Наполеон, Москва была пустая, а вас президент встречает”.

Николай Цискаридзе — о Ролане Пети

Николай Цискаридзе: «Для меня он человек, который пришел и сказал: «Мальчик, поверь в себя, ты можешь»

Сегодня Ролану Пети, выдающемуся французскому хореографу, исполняется восемьдесят. Специально для Газеты о своих встречах с Пети корреспондент Газеты Ольге Гердт рассказал Николай Цискаридзе. Травма не позволила ему участвовать в гастролях Большого театра в Парижской опере и танцевать в балете Пети «Пиковая дама» (чего оба ждали два года). Николай Цискаридзе поздравляет любимого хореографа из Биарицца, где проходит восстановительный курс.

У Пети есть своя легенда о том, как он вас увидел, когда искал исполнителя на роль Германа, и «обалдел». А как вам запомнилась ваша первая встреча? Первая встреча была очень тяжелой, потому что меня «скрывали» очень планомерно...

Вас скрывали от него?

Еще до приезда Пети сказали, что есть интересный мальчик, которого зовут Николая, и фамилию произнесли, которую он, естественно, не запомнил. Но имя запомнил, так как его любимый артист Никола Ле Риш. Он спросил: «Где у вас такой Николая?» Ему ответили: «Ну что вы, это так неинтересно, так плохо, такого нет. Он капризный, на класс не ходит, и показать мы его не можем». А у Пети было только два дня на поиски Германа, но всех, кого ему предлагали, он отвергал. И когда он в очередной раз спросил: «А этот Николая, он появился? Ему сообщили, что я хотел его видеть?», ему опять ответили: «Нет-нет-нет, у него ужасный характер, он в класс не ходит». Но так получилось — это судьба, наверное, — в тот момент я перебежал из одного зала в другой. Была одна из оркестровых репетиций «Лебединого» Григоровича, и Юрий Николаевич просил, чтобы я был уже в костюме. И я побежал в костюмерную не через лифт, а через зал. Меня за руку схватила переводчица Пети и спросила: «Вы Цискаридзе? Вы знаете, что вас второй день ищет Пети?» Первое, что он меня спросил: «Почему вы не ходите на классы?» Я говорю: «Как не хожу? Вот я в соседнем зале занимался только что. И странно, что руководство не знает, что я последние двенадцать лет занимаюсь в классе Семеновой». А руководством тут же стояло. Он захотел меня посмотреть. Мы назначили встречу вечером в каком-то зале после прогона «Лебединого». Он опаздывал и, как потом сказала переводчица, долго наблюдал за мной через замочную скважину. Потом вошел в класс, попросил снять одежду — зима была, попросил сделать какие-то комбинации, посмотрел пристально в глаза и сказал: «Я на вас ставлю балет».

Что больше всего вас в нем поразило? У меня был уже опыт работы с Пьером Лакоттом, который тоже на меня делал балет.

Он работал утром, днем, вечером, в ночь, и эта работа была изнуряющая. И я, зная уже французов чуть-чуть, спросил так аккуратно, когда постановочные начались, у Пети: «Будем работать с утра до вечера?» Он сказал: «Нет, от вечерней работы нет никакой пользы, я работаю только утром». И после этого я его полюбил окончательно! Потому что понял, что у меня будут свободные вечера. Что было самое лучшее? Не успел я сделать еще ни одного движения, а Пети мне уже объяснил, что я гениальный, лучше нет никого. Тоже было и с Илзе Лиела, и со Светой Лунькиной. А если у нас что-то не получалось, он говорил: «Ну как же может у таких великих актеров что-то не получиться?» Такой трюк детского сада...

Но срabатывает! Знаю по началству. Срабатывает, да, но в моей биографии это первый случай, когда мне с первого момента не объяснили, что я бездарный, безнадежный и никуда не годный. Это очень отличалось от того, к чему мы вообще привыкли. У меня не было опыта работы с современной пластикой, я никогда не танцевал по шестой позиции, и все, что он предлагал, было ново. Но если бы он не объяснял мне, что я гений, я бы ушел. Потому что не получалось ничего. А потом было очень весело: он любит шутить, передразнивать. В этом работа была безумно легкой.

Был смешной случай — это по поводу «обалдел». Это мы первые дни общались тет-а-тет, а потом приехал его ассистент Луиджи Бонино. Я еще ничего не снял из верхней одежды: было холодно, только начал разогреваться. И вдруг Луиджи говорит: «Ой, какой у мальчика подъем красивый!». А Пети ему: «Ты подожди, он сейчас еще штаны снимет». Он имел в виду — ноги увидишь.

А когда-нибудь возникало ощущение, что вы имеете дело с человеком, который вам в прадедушки годится?

Один раз. Когда я танцевал «Юношу и Смерть» в Японии. Там стол на сцене, в ходе действия я стол переворачиваю, и, когда начинаются поклоны, стол так и остается чуть-чуть сбоку. И когда Ролан вышел кланяться, он подбежал ко мне, поцеловал, стал отходить спиной, зацепился, упал, сделал кульбит за этот стол. И эту одну секунду, по-

ка он летел, я посчитал сколько ему лет и чем это может все закончиться. Но настолько этот человек артист, что через секунду он вскочил и сделал еще так: «Ха!» Как бы: «Мне не восемьдесят, абсолютно!» В этом феномене этих великих людей. Это было у Улановой, есть у Марины Семеновой, есть у Ролана — у них нет возраста прежде всего в голове. Может, — в теле, но они этого не показывают. Но когда голова ясная и сегодняшняя!! Он интересуется сегодняшним кино, живописью, музыкой, он в курсе всего. Другое дело, что что-то ему нравится или не нравится. А когда он устаёт, он просто по-английски тихо исчезает. На следующий день появлялся, улыбающийся, сияющий, и никогда не показывал вида, что ему было, может быть, и нехорошо.

Было и трагично, и ужасно, через полчаса после того, как я упал на репетиции «Клавиво» в Парижской опере (травма колена, которую Николай Цискаридзе получил это осенью и из-за которой пришлось отменить «Пиковую даму» Пети на проходящих сейчас в Париже гастролях Большого театра. — Газета), — Пети упал на улице, выходил из такси, зацепился и упал. Вечером я пришел к нему в отель, мы сидели оба со льдом на коленях, он — на костылях, я так — хромал, и мы сидели и все время смеялись. Хотали даже в этой безвыходной ситуации. И что мне еще очень дорого, он настолько любит своих артистов, что готов на все. Когда это произошло, он сразу и твердо сказал, что спектакль не может идти на гастролях без первого состава — он уже был расстроен, что Света Лунькина в декрете и не может танцевать, долго искал девочку ей на замену... А когда со мной случилось это несчастье, он сказал, что он уже столько раз имел триумф в Париже, что не может допустить никакого другого варианта. Артистам приятно очень такое отношение. Он принимал серьезное участие в моей судьбе.

Вы обсуждаете состояние ваших колен? (Смеется). Ну ему-то не танцевать, конечно. Но он человек интересный безумно. С ним очень интересно разговаривать о кино, живописи, о чем угодно. Для него не посторонние люди ни Монро, ни Одри Хепберн, ни Фред Астер, ни Дали, ни Кокто. Какую культуру

ты ни берешь, находятся люди, которых он знал, с которыми работал, лично пересекался, дружил.

Он легко находит друзей среди современников или живет скорее в окружении дорогих теней?

Не теней, но... Мне, например, было интересно наблюдать Ролана после нашего турне по Японии. Люди ведь расстаются, долго проводить время вместе, с горечью, а Ролан, может, ему и было больно внутри, старался как-то быстро попрощаться и чувства не показывать. Такого его воспитание. А что касается друзей, то он говорил, что из всех артистов (представляете этот список?), с кем он работал, он дружил только с Нуриевым. Это о многом говорит. Только один друг! И ценил он его за определенные качества. Он рассказывал, например, ситуацию, как в Лондоне ставил балет для Марго Фонтейн и Нуриева, и Ролан заболел, он не мог ездить сам в театр с высокой температурой — в жили они на разных концах города, — Нуриеву не лень было два раза в день приезжать за ним из своего дома, обратно привозить, ходить за покупками. Так он его буквально выходил за две недели. И Пети говорил, что он мало знает звезд, которые могли бы так поступить. Это и время, и силы, и при этом этот человек работал довольно много.

Но артисты довольно эгоистичны...

Он очень интересную вещь сказал, что за всю его жизнь ни один артист ни разу не сделал ему подарок. А так получилось, что я ему очень хотел подарить «Пиковую даму» издания времен Пушкина. И не нашел. Но нашел басни Лафонтена, изданные в Париже в год написания «Пиковой дамы» и переплетенные в России заново в год смерти Пушкина, — вот такую книгу я ему подарил. У него появились слезы на глазах, он сказал, что это первый в его жизни подарок за спектакль. Такие вещи, наверное, он ценит. Ведь западный мир, наверное, не такой человеческий.

Вы знаете Пети-семьянина — он действительно такой трогательный муж, пожизненно влюбленный в свою единственную Зизи?

Я много раз бывал с ними двумя, в последний раз и с дочерью познакомился. Зизи даже специально приехала из-за меня из Женевы на «Клавиво», и потом, когда моя травма случилась, мы много времени в Париже вместе провели. И я видел столько обожания в их отношениях. А Зизи очень

смешно — так как Ролан очень шаловливый человек, она его все время приструнивает: «Ролан, веди себя прилично, не мальчик же, люди ведь смотрят». Такой забавный альянс. И потом, они очень острые на язычок, оба. Каждая их реплика подкалывающая — не для того, чтобы обидеть, а так, колкнуть. Это забавно выглядит, когда люди очень любят друг друга.

Кто он для вас?

Человек, который пришел и сказал: «Мальчик, поверь в себя, ты можешь». Я ему за это очень благодарен. Мало людей, которые могут так сделать. В моей жизни их было три, помимо моих педагогов, только Григорович, Ролин и Брижит Лефевр (директор балета Парижской оперы. — Газета) мне все время говорили: «Ну поверь в себя, у тебя все идеально». Когда на пути раннего актера появляются такие авторитетные люди — это подарок.

Но что-то еще вместе с Роланом Пети сделать хотелось бы?

Ролан сделал очень интересную версию своей «Кармен» для одного мужчины. Он дал этот балет сначала Мануэлю Легри для его юбилея, а потом сказал, что отдает балет мне. Там один парень танцует сначала вариацию Хозе, потом Кармен, потом Тореадора. Ничего не поменял в своей хореографии, но все соединил для одного актера. Поле колоссальное — соединить три образа и финал танцевать за двоих. Пока это не сделано из-за травмы, жалко, конечно. Ролан звонит и говорит: «Я жду, потому что мы должны это сделать».

Пети в Швейцарии в основном обитает?

Да, но сейчас он приехал в Париж на гастроль Большого — будет искать второй состав все-таки на «Пиковую даму». Потому что спектакль объявлен и в Лондоне, и в Америке в осенних гастролях. А я не знаю, в идеальном варианте в конце июля в Лондоне я станую, если судьба мне улыбнется. ...А говорят, Пети пришло поздравление от нашего президента? Ну, наверное, поздравил. Он же Пети что-то вручал когда-то... Что значит что-то? Госпримио! За «Пиковую даму»! Он же единственный иностранец, который получил российскую государственную премию за всю историю. Еще шутили над ним. Вошли в Кремль, я ему говорю: «Когда сюда пришел Наполеон, Москва была пустая, а вас президент встречает». Он был горд и очень смеялся: «Как это ты помнишь про Наполеона?»